

УДК 8. 82. 0

Т.А. Рытова

**«ПОКОЛЕНИЕ» КАК КАТЕГОРИЯ СОВРЕМЕННОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА**

Понятия «поколение» и «поколенческий» подход (требующий опоры на это понятие) используются при анализе различных явлений, которые традиционно были предметом внимания литературоведов, но в комплексном сочетании актуализировались в конце XX в. Активная востребованность побуждает сегодня рассматривать понятие «поколение» как категорию. Гипотеза автора статьи: «поколение» – принципиальное средство анализа, соединяющее в целое интерпретацию различных аспектов современного художественного текста.

Ключевые слова: гуманитарные науки, литературоведение, современный литературный процесс, поколение, социокультурные проблемы рубежа XX–XXI вв.

Выбор темы статьи спровоцирован научной «растерянностью» филологов в поисках предмета исследования современной литературы после разрушения в 1990-е гг. сложившихся параметров описания литературного процесса.

История литературы – это выявление «вертикальных генетических связей», проявляющих «историческую необходимость» [1. С. 17]. Сегодня возникает представление о нетелеологичности социальной истории, о том, что исторические события «воспринимаются банальными из-за самой своей частоты, ирреальными – из-за способа, которым воспринимаются и переживаются, расплывшись по населению, в котором давали себя знать» (П. Нора) [2. С. 56].

Наращение информационного потока, опыт интернет-чтения, фрагментарного по своей сути, способствуют созданию частных (локальных) парадигм интерпретации, где «ориентиры и аналогии уже не следуют из исторически достоверного фонда национальной литературы» (Г. Тиханов), а лишь из частного и виртуального опыта интерпретатора. Т. Венедиктова объясняет, что модель литературной истории, принятая на сегодня в качестве базовой, устарела, так как восходит к началу XIX столетия, когда романтики «застолбили» идею автономии литературы и особой ее привилегированности – способности и права представлять целое культуры, служить источником знаний о человеке вообще. «Оттуда, из позапрошлого века, – расположенность нашей дисциплины к построению всеобъемлющих систем... причинному объяснению явлений... подчеркнутой объективности, научности языка и стиля» [1. С. 13].

Литературоведы считают ломку всех «базовых» историко-литературных парадигм решительной, связывают ее с глобальными общественно-историческими процессами. Г. Тиханов отмечает, что изучение истории литературы развивалось «в странах, стремившихся к культивированию национального самосознания и к обретению государственной независимости... Этот процесс трансформировала глобализация, во время которой национальный канон разрушается» [3. С. 344]. Т. Венедиктова обращает внимание на то, что критический анализ «идеологий» обнажает «ненатуральность» (сочиненность) национальных культурных комплексов [1. С. 16]. Это трансформирует влияние истории наций на современную литературу: историки литературы теперь вынуждены работать со сложными культурными гибридами,

порожденными глобализацией, и исследовать произведения как в региональном, так и в транснациональном контексте.

Г. Тиханов называет еще одну проблему постиндустриальной эпохи: «возрастающая продолжительность жизни изменит ритм производства смысла в обществе» [3. С. 345]. Ученый имеет в виду новое функционирование поколенческих смыслов, всегда влиявших на литературу. Сегодня историку литературы нужно осознавать, что оценка исторических событий усложнилась из-за разногласия умножившихся поколений, одновременно и активно функционирующих в общественной жизни. При этом нельзя не учитывать и масштабное российское явление – переосмысление с 1990-х гг. идеологием и ценностей советской цивилизации. Это привело к изменению идеологических критериев структуры литературного процесса (вместо литературы официальной, андеграундной и высокой появилась литература массовая и высокая) и к тому, что вследствие переоценки культурных мифов в литературном процессе появляются не течения, а «полюса» реалистической и постмодернистской эстетики.

С начала 1990-х гг. существенно меняется и способ «потребления» литературы: распространение электронных носителей информации привело к исчезновению в сознании читателя границ между реальностью и текстом. «Общегуманитарный кризис репрезентации... поставил под вопрос не только целостность традиции, но и способность произведения... ее представлять» [1. С. 16]. Интерпретация отдельных текстов, как основа изучения истории литературы, проблематизировалась: «исчезают фундаментальные характеристики текста – автономность и замкнутость, на основе которой строилась традиционная история литературы. <...> Тот равноправный текст, который возникает в процессе электронного взаимодействия, открыт для любых изменений, подвижен как никогда прежде. <...> Изменчивый, текучий, открытый для трансформации гипертекст уже не позволяет нам, как прежде, доверять привычной артикуляции семантически целостных единиц и сам превращается в архив семантически динамичных материалов, количество которых может в любой момент увеличиться» [3. С. 344].

Это меняет в корне взгляд на историю текстовых феноменов (снимает значимость направлений, художественных систем, истории персоналий), но не отменяет историю литературы как таковую. А. Щербенок отмечает, что «традиционная модель истории литературы упорно сохраняется... в форме телеологического повествования о последовательной эволюции» [4. С. 159]. Ф. Ренье называет экстралингвистические причины этого: «...подобно тому, как существует рынок ценных бумаг... телевизионные рейтинги, хит-парады и другие модели измерения, – существует и рынок литературных ценностей» [5. С. 154].

Нам близка позиция исследователей, ищущих историко-литературные подходы, адекватные современности, учитывающие все изменения в традиционных историко-литературных парадигмах. Ссылаясь на мнение авторитетных литературоведов, выскажем положение, что новая история литературы требует перенесения акцентов с «вертикальных» генетических связей на связи «горизонтальные», аналогические и коррелятивные (по типу «грибницы»). Т. Венедиктова предлагает осваивать литературу как часть богатого общекультурного «гипертекста»: «Историко-литературный курс может быть

устроен по образцу тематического парка – как экскурсия в условно-синхронный пласт или срез литературной культуры, свободно соотносимой с другими экспрессивными системами, современным социальным бытом и т.д. Посетитель такого парка обживает культурно далекий мир, открывая в нем сопряженность, неожиданную взаимоувязанность... далековатых друг от друга процессов и явлений» [1. С. 17]. Другие исследователи (например, А. Хан) приходят к выводу, что новые «пострационалистические» пути познания стремятся создать такие «модели всеобщей целостности», где сохранилась бы индивидуальная конкретность каждого единичного явления, но оно, будучи органической частью целостной структуры, в свернутом виде содержало бы в себе всю сложную сеть взаимоотношений между отдельными явлениями.

Основываясь на этой историко-литературоведческой позиции, можно выдвинуть в качестве категории, фокусирующей горизонтальный срез разнородных структур, понятие «поколение». Это понятие сегодня активно востребовано, потому что обозначает те разнородные явления, как в литературе, так и в литературном процессе, которые традиционно являются предметом внимания литературоведов, но в комплексном сочетании актуализировались в конце XX в.

Прежде всего, понятие «поколение» и «поколенческий» подход используются, когда литературоведы и критики выделяют произведения, в которых смена поколений является предметом исследования авторов. С 1970-х гг. по 2000-е в русской литературе появилось большое количество квазимемуаров писателей разных поколений о близком им литературном круге, о литературной среде своего поколения: «Алмазный мой венец» В. Катаева (1978), «Освещенные окна» В. Каверина (1976), «Скажи изюм» В. Аксенова (1983), «Ремесло» (1985), «Записные книжки» С. Довлатова (1967–1990), «Трепанация черепа» С. Гандлевского (1995), «Закрытая книга» А. Дмитриева (1995), «Б.Б. и др.» А. Наймана (1997), «Воспоминания» Э. Герштейн (1998), «Подлинная история «Зеленых музыкантов» Е. Попова (1998), «Конец цитаты» М. Безродного (1996), «Скуки не было» Б. Сарнова (2000), «Из мемуарных виньеток» А. Жолковского (2000), «Записные книжки. Воспоминания. Эссе» Л. Гинзбург (2002), «Горящий рукав» В. Попова (2006) и др. Эту литературу принято рассматривать в контексте автобиографической прозы, постмодернистской интертекстуальности или в контексте современной тенденции *pop-fiction*. Однако очевидно, что осмысление быта, исторической судьбы, экзистенциальных ценностей и литературной рефлексии своего поколения в этих произведениях фабульно первостепенно.

Во второй половине XX – начале XXI в. смена поколений является предметом художественного исследования авторов и в жанре «семейных саг» (В. Гроссман. «Жизнь и судьба» (1960); Ф. Абрамов. «Братья и сестры» (1958–1978); А. Битов. «Пушкинский дом» (1965–1971); В. Астафьев. «Последний поклон» (1968); В. Катаев. «Кладбище в Скулянах» (1973–1975); С. Довлатов. «Наши» (1983); А. Ким. «Отец-лес» (1986); Л. Петрушевская. «Время ночь» (1994); В. Аксенов. «Московская сага» (1992); Л. Улицкая. «Медя и ее дети» (1996), «Казус Кукоцкого» (2001); А. Уткин. «Хоровод» (1996); А. Чудаков. «Ложится мгла на старые ступени» (2000); Ю. Буйда. «Кенигсберг» (2003); О. Павлов. «В безбожных переулках» (2001); Н. Коно-

нов. «Нежный театр» (2001); Д. Данилова. «Энтропия» (2006); С. Шенбрунн. «Пиллюли счастья» (2006); П. Алешковский. «Рыба» (2006); М. Москвина. «Дом на луне» (2007); Т. Щербина. «Запас прочности» (2006) и т.д.). Массовый интерес к «семейным сагам» может быть объяснен как традиционной задачей этого жанра (история страны и эпохи «через историю семьи»), так и тем, что сегодня «модернизированная семейная сага... описывает реальность, которая еще не «осела» в историю, еще мутна и взбаламучена» [6. С. 195].

В исследовании различных литературных родов с 1990-х гг. востребован и иной традиционный подход, который тоже можно назвать «поколенческим»: сегодня нельзя не выделять прозу, драматургию, литературную критику «старших» и «младших» поколений. Например, драматургия «старших» (Л. Разумовская. «Французские страсти на подмосковной даче» (1999); С. Лобозеров. «Семейный портрет с дензнаками» (2001); Н. Птушкина. «Браво, Лауренсия!» (2002); Н. Коляда. «Птица Феникс» (2004)) и «младших» драматургов (Ек. Нарши. «Двое поменьше» (1997); Е. Гремина. «За зеркалом» (1994), «Глаза дня» (1998); М. Угаров. «Смерть Ивана Ильича» (2002); Кс. Драгунская. «Пить, петь, плакать» (2003)). В «младшем» поколении актуальны одновременно драматургия постмодернистская (пьесы М. Угарова, О. Михайловой, Е. Греминой, О. Богаева, и др.), синтез авангардного и традиционного (пьесы В. и О. Пресняковых, В. Забалуева, А. Зензинова) и драмы на реалистической основе (пьесы Е. Гришковца, Кс. Драгунской, Ек. Нарши, И. Вырыпаева).

В 2000-е гг. получило признание самое молодое поколение драматургов (В. Сигарев. «Пластин» (2000), «Волчок» (2006); В. Дурненков. «Голубой вагон» (2000), «Внутренний мир» (2002); В. Леванов. «Смерть Фирса» (1998), «Шар братьев Монгольфьер» (1998); Г. Ахметзянова. «Выхода нет» (2004), «Прекрасное далеко» (2007) и др.), создавшее, по выражению В. Мирзоева, «новую новую драму» (см. также пьесы И. Вырыпаева «Кислород» (2003), Е. Исаевой «Про мою маму и про меня» (2003), Н. Ворожбит «Галка Моталко» (2003), Н. Беленицкой «Письма тятеньке» (2003), бр. Дурненковых «Культурный слой» (2004) и др.).

«Поколенческий» подход актуален и при изучении современной прозы. Если прозаики старших поколений хорошо известны по литературе предыдущих десятилетий, то молодые прозаики 1990-х и 2000-х гг. – это целые плеяды авторов, выразивших новые концепции. Прозаики, родившиеся в 1970-е, – это дети «переломной эпохи», освоившие перелом конца 1980-х – 90-х гг. еще как романтический порыв (А. Бабченко. «Алхан-Юрт» (2002); З. Прилепин. «Патологии» (2004), «Грех» (2007); В. Лорченков. «Все там будем» (2008); И. Кочергин. «Я – внук твой» (2007); Д. Гуцко. «Домик в Армагеддоне» (2009); В. Орлова. «Большая» (2009); Р. Сенчин. «Елтышевы» (2009); М. Кучерская. «Бог дождя» (2009)). Молодые писатели 2000-х гг., родившиеся в 1980-е, – это дети «переходной эпохи», которые уже не знают и обесценивают ценности советских поколений (М. Свириденков. «Пока прыгает пробка» (2001); Кс. Букша. «Вероятность» (2002); И. Савельев. «Бледный город» (2004); С. Шаргунов. «Малыш наказан» (2001); А. Старобинец. «Переходный возраст» (2005); А. Лысогор. «Настроение зла» (2005); О. Зоберн. «Тихий Иерихон» (2007)).

Сегодня можно говорить и о поколении молодых критиков, интерпретирующих «молодую» литературу, это А. Ганиева, Д. Маркова, М. Кормилова, Ж. Голенко, М. Антоничева, В. Пустовая, Е. Погорелая, Е. Вежлян и др. Этот «поколенческий» отбор исследователей, сопровождающий поколенческие явления в литературе, возник не в современности (в 1980-е гг. «своих» критиков имела «литература сорокалетних»). Однако явление «молодой» критики 2000-х гг. сопровождается симптомом «окукливания» (замыканием молодых современных литераторов на культуре своего поколения). Вследствие этого историки литературы (И. Кукулин, И. Адельгейм, А. Мережинская и др. (см. [7–9]) уже исследуют типологические черты литературы нынешних «тридцатилетних» и «двадцатилетних» как проявление особого художественного направления.

Таким образом, «поколенческий» подход значим тем, что может быть актуализирован в различных аспектах и в отношении различных литературных явлений. Об этом свидетельствуют уже названия различных современных работ – см. книгу П. Вайля и А. Гениса «60-ые: мир советского человека» (М.: НЛО, 2001), статью М. Эпштейна «К философии возраста» (Знамя. 2006. № 4), научный сборник «Веселые человечки: культурные герои советского детства» (М.: НЛО, 2008), статьи молодых критиков А. Ганиевой «И скучно, и грустно (мотивы изгойства и отчуждения в современной прозе)» (Новый мир. 2007. № 3), Ж. Голенко «Бивень слона (о молодежном сознании в зарубежной литературе 2000-х)» (Вопросы литературы. 2008. № 3), дискуссии литературоведов старшего поколения (Филология – кризис идей? // Знамя. 2005. № 1).

О традиционном использовании понятия «поколение» свидетельствуют дискуссионные высказывания «старших» литературоведов: В. Новиков – «...переход к современной филологии подготовлен шестидесятниками»; стремление познать «через писательские тексты сущность духовной культуры человечества... это путь именно семидесятников» [10. С. 187–188]; И. Сурат – «...не обойтись без разговора о поколениях... для новых – данность – устранение из литературы гуманитарной составляющей» [10. С. 197].

Иное – в статьях молодых критиков. Они используют понятие «поколение» как средство анализа эстетических явлений. А. Ганиева прямо отождествляет молодежное сознание (явление социальное) с сознанием романтическим и модернистским (т.е. с явлением эстетическим): «...близость молодежного и романтического сознания (преобладание становления над бытием, процесса над структурой, культ чувств, творческий экстаз и т.д.) не нуждается в расшифровках... Неистовая молодость сближается и с модернизмом, поскольку и там, и там – стремление отбросить историю, отказ от устоявшихся ценностей, акцентирование новизны, попытка изменения наличной культуры» [11. С. 175].

Эстетизацию понятия «поколение» можно найти и в статьях другого молодого исследователя Ж. Голенко: понятием «поколение» «двадцатилетние – тридцатилетние в какой-то степени заменяют ставшее отжившим в разорванном... мире... понятие «литературное течение», ждущее от творческих людей, помимо единства метода единения по географическому и временному признакам. А социокультурное «поколение»... снимает временные и

географические границы, предоставляя свободу <...> разговора о литературе и о внелитературном факторе, определяющем данную литературу» [12. С. 56].

С этим согласна, например, А. Мережинская, описавшая типологические черты литературного направления «поколения 90-х» («Объединяющими тенденциями творчества прозаиков, драматургов и поэтов становится художественное исследование переходного состояния культуры, переходного мировосприятия личности, переоценка традиционных ориентиров и создание креативной идеологии» [9. С. 279]). Но в работах «старших» литературоведов в большей степени сохраняется сведение «поколенческого подхода» к частным «внутрилитературным» рамкам: к специфике эстетики и поэтики литературы молодого поколения.

Активная востребованность побуждает рассматривать понятие «поколение» как категорию. Гипотеза автора статьи: «поколение» – принципиальное средство анализа, соединяющее в целое интерпретацию различных аспектов современного художественного текста: от проблематики конца XX в. (абсурд истории и исчерпанность межчеловеческих связей, разрыв интимных коммуникаций и «насилие» текстов над реальностью и т.д.) и зафиксированных в произведении коммуникаций (таких, как «письмо», «чтение», «интерпретация») до соотношения произведения с внелитературным жизненным миром поколения автора. Такое использование понятия «поколение», на наш взгляд, будет адекватно новому типу «системности мира явлений» и новому типу «целостности художественного мышления», при которых особый акцент получает выявление «динамического взаимодействия и всеобщей связанности» (А. Хан) между единичными явлениями.

О смысле превращения «понятий» в пустые «знаки» («категории») пишет Б. Гройс: «Знаки, появляющиеся не на своем привычном месте... становятся сообщениями медиума – вызывая тем самым наше доверие. И дело не в том, что эти знаки обозначают то, что составляет их содержание, их значение, а в том, что в результате своеобразного кенозиса, авторедукции, самоопустошения эти знаки как бы исчезают – освобождая тем самым доступ к медиуму», «бессознательному носителю архива культуры» [13. С. 181–182].

Воспользоваться «поколением» как абстрактной эстетической (а не историко-социологической) категорией нам позволяют новые акценты, возникшие по отношению к этому понятию в гуманитарных науках конца XX в. Развитие постиндустриальной цивилизации (глобализация, компьютеризация, СМИ-технологии) диктует изменение взгляда гуманитариев на «историческое прошлое», «историческую современность», «традицию», «коммуникацию», «идентичность» и прочие понятия, семантически связанные с проблематикой «поколения».

«Единство эпохи состоит прежде всего в общности средств, которыми пользуется каждое поколение для выполнения тех или иных исторических задач своего периода», – указывает К. Мангейм [14. С. 13]. Исследователи отмечают, что это обуславливало традиционное функционирование и сменяемость поколений. «Эпохи медленных перемен и четких ритмов... – пишет П. Нора, – автоматически навязывали себя сознанию участников. <...> Когда-то насчитывалось по три поколения на век. Теперь регистрируют но-

вое поколение чуть не каждый день, акцент новизны переместился на микрособытия технических инноваций» [2. С. 56]. Современная постиндустриальная цивилизация является технотронной. «Техника как способ деятельности становится всеобщей», а «ноосфера реально функционирует как техносфера» [15. С. 179–180], так что «в компьютерно-информационной реальности индивид... постепенно сливается с потоком знаков и образов, производимых электроникой» [15. С. 187], «скорость отправки в традицию все новых и новых форм жизни такова, что для их характеристики не хватает языка» [15. С. 180].

Осложняет традиционное представление о функционировании поколений изменение представления об «историческом времени»: благодаря новым техническим возможностям (прежде всего кино- и аудиодокументам) не только «новое Настоящее, по наблюдению Х.-У. Гумбрехта, наводнено бесконечно большим числом следов материального присутствия Прошлого», но и чрезвычайно «выросли технические возможности создания симулякров явлений, типичных для любого прошлого» [16. С. 48]. «Новое Прошлое, присутствующее в расширяющемся Настоящем, – это уже не Прошлое, о котором мы размышляем... но Прошлое, которое способно непосредственно воздействовать на наши чувства» [16. С. 49].

Изменяется обмен «поколенческим» опытом (что провоцируется и возрастанием продолжительности трудовой жизни): поколения «старших» становятся всё более эмоционально эластичны (восприимчивы к бесконечным вызовам со стороны «теснящих» их поколений младших); поколения «младших», которые, как говорит В. Кутырев, «заклеив уши плеерами, слушают, но не слышат, смотрят, но не видят» (воспринимают идеи прошлого поверхностно), на самом деле, возможно, именно таким образом эмоционально реагируют на непосредственное и тотальное воздействие Прошлого. Современные философы говорят о необходимости изменения жизнетворческой активности человека и общества: «Теперь свою энергию должно прилагать к тому, чтоб тормозить, а не двигаться... на усилие против «становления» в пользу «бытия» [15. С. 189]; «идея «открытого» Будущего... теперь соперничает с ощущением, что это Будущее опасно и недостижимо» [16. С. 48] Когда субъективные переживания преобладают над материальной объективностью фактов, «поколенческий аспект» становится конститутивным для событий: «...сам временной поток стали размечать с помощью понятия поколения» [2. С. 56].

К опустошению традиционного содержания понятия «поколение» подталкивает и современное истолкование настоящего как «разрыва» (М. Ямпольский): «История возникает только там, где есть энергия трансформации, то есть открытость к будущему, а, соответственно, несовпадение с самим собой, отсутствие идентичности» [17. С. 63–64]. Сегодня понятно, что поколенческие коммуникации, сшибка стереотипов и ценностей поколений – как вечный (архетипический) и частый (в эпоху техноса) процесс – порождают сбой устоявшихся программ поведения, активизируют частоту открытия современным человеком неконтролируемой и неопишуемой актуальной реальности. «О поколении как реальности мы можем говорить лишь в том случае, если представители определенного поколения связаны друг с другом тем, что все они испытали на себе воздействие социальных и интеллектуальных

симптомов процесса динамической дестабилизации», – отмечает К. Мангейм [14. С. 28]. Можно предположить, что интерпретация не связей, а сбоев поколенческой коммуникации в сюжете художественных произведений даст современному исследователю возможность не только уловить ускользающую картину настоящего, но и выйти к исторической позиции.

В результате в конце XX в. очевидно вытеснение традиционного смысла понятия «поколение». На это указывает и процесс изменения определений этого понятия. В XIX в. В. Даль слово «поколение» толковал как «род, племя, колена; однокровные в восходящем и нисходящем порядке, с праотцами и потомками» [18. Т. 3. С. 626]. Литературоведы второй половины XX в. (Л. Аннинский, М. Чудакова) интерпретируют семантику «поколения» уже как исторически преходящую: «Структурный, формирующий поколение признак проявляется либо в критические моменты жизни общества, когда происходит резкое отмежевание, выделение некоей общности людей – с «роковой», героической, трагической и т.п. судьбой, либо по истечении времени – в ретроспективе» (М. Чудакова) [19. С. 377]. Корни этого определения, возможно, в философии начала XX в. – В. Дильтей определял поколение как круг людей, связанных и «гомогенизированных» крупными событиями, память которых продолжает определять видение действительности теми, кто пережил их. Но в 1990–2000-е гг. в сознании писателей «исторический человек выходит из истории вообще» (А. Королев), и поколенческая самодостаточность («заключенность» на себе) объясняется в эпоху постмодерна уже только «правом быть самим собой и быть неинтересным другим» [20. С. 59].

В эпоху постмодерна понятие «поколение» опустошилось и потому, что пережило воздействие концепции многокультурия (все первичные природные роли – физические, расовые, этнические, гендерные – были признаны как культурные знаки). Однако такая «атомизация» содержания понятия «поколение» не ограничила его сакрализацию и радикализацию в современности. По мнению П. Нора, в эпоху постмодернизма понятие «поколение» прошло проверку «в границах семьи, класса (общественного и школьного), карьеры, нации: и все эти формы оно взорвало, чтобы утвердиться самому» [2. С. 57].

В работе П. Нора «Поколение как место памяти» объясняются причины современной сакрализации и универсализации понятия «поколение». Как социолог, П. Нора отталкивался от того, что у этого понятия была научная ценность, когда определяли временную протяженность поколений, ритм их смены, произведшее их историческое событие или эпоху, их социологическую структуру. Новое отношение к понятию, по П. Нора, обусловлено очевидной противоречивостью феномена «поколение»: «...с одной стороны, поколение, феномен по своей природе чисто индивидуальный, имеет только коллективный смысл, а с другой стороны, понятие, восходящее к идее непрерывности, имеет смысл прерывистости и разрыва» [2. С. 55].

В ситуации, когда потеряли «структурирующую энергию» прочие формы традиционной идентификации, именно семантическая «пластичность» понятия «поколение» позволяет идентифицировать совокупно знаки многосложной реальности. «Поколенческая» проблематика в художественном произведении указывает одновременно на личностно-уникальное содержание

(«...факт существования внутри своего поколения завершает драму человеческой экзистенции», – писал М. Хайдеггер в «Бытии и времени») и исторически социальное («...поколение постулирует расширение Я» – П. Нора); на типы коммуникации и на элементарный биологизм и т.д. Современная литература запечатлевает превращение экзистенциальной коммуникации человека в «ситуационную коммуникацию», а коммуникаций индивидов – в рациональную «поверхностную коммуникацию» (телесное взаимодействие, обесценивание информации, имплицитная комплиментация ценностей) [2. С. 56]. Выявить сворачивание реального общения позволяет именно исследование межпоколенческой коммуникации (она скрыто или явно присутствует в художественном тексте), ведь «реальное» настоящее проявляется в момент сбой уже усвоенных (от «старших») жизненных программ.

Русское литературоведение давно ведет поиск «поколенческого» языка, т.е. не просто выявляет «поколенческие» конфликты и сюжеты в литературе и самом литературном процессе, но и использует «поколенческую» семантику как средство анализа для комплексной интерпретации жизненных и литературных явлений. В статье «Декабрист в повседневной жизни», ставшей уже классической, Ю. Лотман создал «методику» интерпретации скрытых в быту и текстах исторических закономерностей. Ученый отмечал, что «исторические закономерности реализуются не автоматически» и что нужно дополнять «взгляд на историю как поле проявления общественных закономерностей... изучением историко-психологических механизмов человеческих поступков» [21. Т. 1. С. 298]. При этом «всякая нормализация психосоциальных стереотипов подразумевает наличие вариантов по возрасту («смешон и ветреный старик, смешон и юноша степенный»)» [21. Т. 1. С. 296–297]. Интерпретацию скрытых мотивов повседневного поведения декабристов Ю. Лотман выстраивает с опорой на «поколение».

Ученый выделяет как предмет рассмотрения поведение декабристов «между эпохой Петра I и Отечественной войной 1812 года», дает характеристику дворянским ценностям этого поколения и историческим событиям эпохи. Затем Ю. Лотман указывает «иерархию значимых элементов поведения» человека («жест – поступок – поведенческий текст») и прямую связь «поведенческого текста» декабристов (цепи поступков) с литературными сюжетами или именами, «суггестировавшими в себе сюжеты» [21. Т. 1. С. 307]. Обращаясь затем к интерпретации литературных образцов, исследователь расширяет поле «психологического» анализа, проявляет реальную многомерность любого «точечного» явления.

Использование понятия «поколение» как «средства анализа» обнаруживается и в статье современного ученого В. Недзвецкого «Литературные «отцы» и «дети» в России 60-х годов XIX века». Разводя поколенческую парадигму и семантику ценностей «людей 40-х годов» и «шестидесятников», он не удовлетворяется констатацией ценностей, а использует открытые им поколенческие коды как «язык» интерпретации, истолковывая с их помощью фундаментальную классическую проблему «отношения искусства (литературы) к действительности» и очерковую «революцию» в литературе разночинцев середины XIX в. [22].

В 1990-е гг. Л. Аннинский и М. Чудакова инициировали «поколенческий» подход к литературе XX в., сделали понятие «поколение» категорией для описания литературного процесса. Л. Аннинский в период культурного и ценностного кризиса начала 1990-х гг., когда столкнулись художественные коды «шестидесятников», «семидесятников» и «восьмидесятников», выстраивает цепочку литературных поколений, начиная с Пушкина [23]. М. Чудакова, отталкиваясь от определения В. Даля («поколение – весь род от его истока или временной срез одного рода»), проецирует устойчивые архаичные механизмы поколенческо-родовой коммуникации на переменчивую идеологическую историю России XX в., повлиявшую на литературу [19].

У авторов сборника «Веселые человечки: Культурные герои советского детства» (С. Ушакин, М. Липовецкий, М. Майофис и др.) и конкретно у И. Кукулина (статья «Четвертый закон робототехники: фильм «Приключения Электроника» и формирование «поколения 1990-х») апелляция к «поколению» – «общее место», так как позволяет фокусировать и совокупно интерпретировать историческую ситуацию с присущей ей структурой социума, текстами, ключевыми концептами / артефактами и способами коммуникации. И. Кукулин не только выявляет «исторически очень конкретное самощущение» людей 1965–1975 года рождения, «в момент крушения советской империи вступивших во взрослую жизнь» (свобода понимается ими как взросление и выход в непредсказуемый мир), но и интерпретирует ключевой культурный «текст» данного поколения (фильм «Приключения Электроника»), в котором были «эстетически разработаны важнейшие социальные смыслы и коллективные желания, предвосхищавшие процессы перестройки конца 1980-х годов» [24. С. 468]. Преломление разнородного исторического материала сквозь призму «поколения» позволяет И. Кукулину выйти к сравнению «текста» фильма и «текста» литературной основы (книги Е. Велтистова) и затем интерпретировать концепт «робот – друг человека» как основной тезис материально-технического существования и коммуникативно-значимого диалога «поколения 1990-х» [24].

В наших исследованиях [25–28] мы констатируем редуцирование, сворачивание реальной «фабульной» коммуникации поколений (предмет непосредственного изображения В. Катаева, С. Довлатова, А. Чудакова, А. Уткина и др.). В современной прозе, неизбежно вобравшей опыт постмодернистского «отчуждения» и постмодернистской интертекстуальности, выход к историческому времени осуществляется не только посредством событий или коммуникаций, но и посредством культурных аллюзий. Так, в автобиографическом реалистическом романе А. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» (2000) от главы к главе развивается семантика случайных аллюзий, что является использованием постмодернистского приема [25]. Включение случайных аллюзий соответствует основному сюжету, в котором герой открывает и проверяет в течение жизни знания старших членов его семьи. В реалистическом романе аллюзии сохраняют «знания» не как штампы (это подход постмодернистских авторов), а как «плод ученья, опыта» (А. Чудаков ищет достоверные знания в ситуации «информационного взрыва»). Акцент на поколенческой проблематике позволяет обозначить сворачивание реальной коммуникации поколений как проблему XX в.; это и побуждает автора

развернуть систему аллюзий, кодирующих многоаспектную информацию об исторической и культурной жизни поколений первой половины XX в. Аллюзии передают абсурд 1920–1930-х гг. и выявляют недостаточную степень доступности и глубины знаний старших поколений. Подлинной передачи знаний новому поколению не произошло: вследствие большого количества знания стали не развернутыми дискурсами, а готовыми формулами. Автор-реалист подчеркивает, что представления молодых о реальности определялись уже этими нерасшифрованными культурными формулами.

Таким образом, поколенческая проблематика уходит из изобразительного слоя текста в интертекстуальный (коммуникация поколений свернута до знаков, выражается аллюзиями); и понятие «поколение» само превращается в «знак», призванный выразить в единстве разнородную проблематику литературы конца XX в. (ощущение абсурда истории и исчерпанности межчеловеческих связей, разрыв интимных коммуникаций и «насилие» текстов над реальностью и т.д.).

Литература

1. Венедиктова Т. О пользе литературной истории для жизни // Новое литературное обозрение. 2003. № 59.
2. Нора П. Поколение как место памяти // Новое литературное обозрение. 1998. № 30.
3. Тиханов Г. Будущее истории литературы: три вызова XXI века // Новое литературное обозрение. 2003. № 59.
4. Щербенок А. История литературы между историей и теорией: история как литература и литература как история // Новое литературное обозрение. 2003. № 59.
5. Ренье Ф. Тезисы к дисциплине, именуемой «литература» // Новое литературное обозрение. 2003. № 59.
6. Лебедушкина О. Выжить и наблюдать: семейная сага: метаморфозы и метафоры // Дружба народов. 2007. № 7.
7. Кукулин И. Прорыв к невозможной связи: (Поколение 90-х в русской поэзии: возникновение новых канонов) // Новое литературное обозрение. 2001. № 50 С. 453–457.
8. Адельгейм И. Самоощущение и поэтика молодой прозы в постсоциалистическом мире: Польша и Россия // Литература, культура и фольклор славянских народов. XIII Международный Съезд славистов, Люблина, август 2003: Докл. русской делегации. М., 2002. С. 272–283.
9. Мерезжинская А. «Поколение 90-х» и «20-летние»: Типологические черты литературного направления // Русская литература: Исследования: Сб. науч. тр. Киев, 2009. Вып. 13. С. 262–283.
10. Филология – кризис идей? // Знамя. 2005. № 1.
11. Ганиева А. Мятаж и посох (романтический протест героев неформально-экстремистского толка) // Новый мир. 2008. № 11.
12. Голенко Ж. Бивень слона // Вопросы литературы. 2008. № 3.
13. Гройс Б. Под подозрением. М.: Худож. журн., 2006.
14. Мангейм К. Проблема поколений // Новое литературное обозрение. 1998. № 30.
15. Кутырев В. Традиция и ничто // Философия и общество. 1998. № 6.
16. Гумбрехт Х.-У. «Современная история» в настоящем меняющегося хронотопа // НЛО. 2007. № 83.
17. Ямпольский М. Настоящее как разрыв // НЛО. 2007. № 83.
18. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Изд. группа «Прогресс»: «Универс», 1994.
19. Чудакова М. Заметки о поколениях в Советской России // Чудакова М. Литература советского прошлого. М., 2001.
20. Павлов А. Многомерность провинциализма // Филологический дискурс: Вестн. филос. фак. Тюм. гос. ун-та. Тюмень, 2004. Вып. 4.
21. Лотман Ю. Декабрист в повседневной жизни // Лотман Ю. Избранные статьи. Таллин, 1992.

22. Недзвецкий В. Литературные «отцы» и «дети» в России 60-х гг. XIX в. // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 2007. Т. 66, № 5.
23. Аннинский Л. Шестидесятники, семидесятники, восьмидесятники // Литературное обозрение. 1991. № 4.
24. Кукулин И. Четвертый закон робототехники: фильм «Приключения Электроника» и формирование «поколения 1990-х» // Веселые человечки: Культурные герои советского детства. М., 2008. С. 460–496.
25. Рытова Т. Тексты как сопротивление энтропии времени в семейно-мемуарной прозе // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. Вып. 6. Томск, 2004. С. 180–201.
26. Рытова Т. Столкновение национальных миров и судьба частного человека в истории (роман А. Уткина «Хоровод») // Русскоязычная литература в контексте восточнославянской культуры. Томск, 2007. С. 211–226.
27. Рытова Т. Роль устных рассказов в восстановлении связей «отцов» и «детей» в романе Ю. Буйды «Кенигсберг» // Русская литература XX века: имена, проблемы, культурный диалог. Вып. 9: «Отцы» и «дети» в русской литературе XX века. Томск, 2008. С. 225–247.
28. Рытова Т. Опыт старших и рефлексия молодого героя (устные рассказы в прозе 1990–2000-х гг.) // Современность в зеркале рефлексии: язык, культура, образование: Междунар. науч. конф.: материалы. Иркутск, 2009. С. 401–417.